

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет

Владимир Алексеевич АВАТКОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник,

Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,

117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

доцент, кафедра международных отношений,

Дипломатическая академия МИД РФ, Остоженка ул., д. 53-2/1, Москва,

Российская Федерация

E-mail: v.avatkov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6345-3782

ЦИТИРОВАНИЕ: Аватков В.А. (2021). Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

Статья поступила в редакцию 01.08.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные итоги 30-летнего независимого существования бывших советских республик в условиях современных политических реалий и складывания полицентричной системы международных отношений, в рамках которой все большее влияние на происходящие процессы начинают оказывать такие региональные государства, как Турция. По результатам проведенного анализа автор приходит к выводу, что с момента распада Советского Союза на постсоветском пространстве сложились две тенденции: интеграция и дезинтеграция. Главной задачей Турецкой Республики в рассматриваемом регионе является протурецкая интеграция ключевых тюркских государств и создание так называемого тюркского мира – новой подсистемы международных отношений под своей эгидой. Анкара преследует на постсоветском пространстве три основные цели: во-пер-

вых, подменить тюркское турецким; во-вторых, привести к власти в странах-партнерах лояльные к себе элиты; в-третьих, сконцентрировать на себе движение ресурсов в рамках идеологии «хаба». При этом во взаимодействии со странами бывшего СССР Турция прошла или проходит несколько этапов: «эпоху надежд», «эпоху поэтапности» и «эпоху туркоцентричной интеграции», которая продолжается вплоть до настоящего времени и выражается в оказании существенного влияния на интегрирующих ее акторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Турция, Турецкая Республика, СССР, СНГ, постсоветское пространство, Центральная Азия, «тюркский мир», «мягкая сила», интеграция.

Возникшие после развала СССР новые независимые государства прошли сложный путь определения собствен-

ной идентичности во внешней и внутренней политике. Трансформация мировой политической среды, специфика власти и геополитическое положение стран предопределили векторы их развития не только на прошедшие 30 лет, но и создали тенденции развития всего «пространства». При этом особую роль в самоопределении новых государств играют и внерегиональные (относительно пространства) акторы, которые стремятся к распространению своего влияния, в частности – Турция [Park, 2020, p. 255].

Тенденции на постсоветском пространстве

С момента распада СССР и до сегодняшнего дня на постсоветском пространстве сложились две соседствующие тенденции – интеграция [Аватков, Иванова, 2012, с. 165] и дезинтеграция. Это позволило ряду экспертов характеризовать происходившее одновременно как «мирный развод» и как создание новых основ объединения.

При этом сам термин «пространство» продолжает вызывать серьезные дискуссии. До конца не ясно, остается ли это просто пространством или имеет тенденцию реализации в качестве «региональной подсистемы». Набор акторов, связей между ними и определенной среды имеется, однако многие связи носят конфликтный характер, напоминая ссору поколений в одной семье. Популярная фраза «куда они деются» длительное время была (и частично остается) доминантой в политическом дискурсе ядра интеграции – России.

Очевидно, что постсоветское – это не только пространство (или подсистема), но и определенный тип политического мышления, в рамках которого основными элементами можно на-

звать в том числе стремление к суверенитету и укреплению вертикали власти и государственности, борьбу за идентичность, формирование новых линий «свой – чужой», встраивание в сопредельные подсистемы международных отношений.

По мере отдаления от момента развала СССР государства постсоветского пространства приобретают черты, свойственные макрорегионам, в которых они находятся. Так, в странах Центральной Азии все больше проявляются признаки Востока – лидероцентризм, вождистская партийная система, клановость, неформальные политические отношения и пр.

В наиболее сложной ситуации при этом оказываются государства, расположенные на стыке сильных подсистемных ядер. Так, например, Украина «разрывается» между Россией и ЕС. На подобное положение дел постоянно оказывают влияние другие субъекты мировой политики. На Южном Кавказе такое влияние оказывает возродившийся неформальный треугольник «Россия – Турция – Иран». При этом турецкое звено имеет два измерения – сугубо туркоцентричное и проамериканское.

Для государств постсоветского пространства наиболее опасным является кризис государственности, с которым так или иначе сталкиваются все они. Система управления советского этапа еще не ушла в прошлое, а новая еще не до конца сложилась. В большинстве государств социальные лифты работают плохо, и на основе неформальных и непрозрачных связей. Системы управления на постсоветском пространстве все время сталкиваются с испытаниями протестами, переворотами и революциями, причем это может касаться даже наиболее жестких режимов. Причина кроется в том, что большая часть государств постсоветского простран-

ства не имеет опыта независимости или имеет, но в других формах, с другим составом населения, с другой территорией. Данный вопрос затрагивает даже наиболее жестко отрицающую все советское Прибалтику: так, столица Литвы Вильнюс – исторически белорусский и польский город.

Самым сложным вызовом на этом фоне для постсоветских государств является необходимость формирования собственной идентичности в новом мире [Притчин, 2021, с. 89]. Ряд из них пошел по простому пути отрицания и создания стены с прошлым, ускоренной интеграции в чужую подсистему, в частности – Прибалтика. Другие оказались на распутье, что привело к смешению героев и антигероев, путанице в сознании граждан. Наиболее ярким примером может служить Украина. Лидероцентричные режимы Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и, конечно, Туркменистана пытаются создавать собственные нарративы, зачастую претендуя на воздействие на соседей. Вопрос исторической правды для них оказывается вторичен, несмотря на попытки России защищать ее и продвигать на всем пространстве.

Постсоветская пространственная идентичность сложилась. Все – даже прибалты – чувствуют себя «пост». Однако на самом деле сегодняшний этап можно назвать уже «прощанием с постсоветским», переходом от него в новую реальность, где 1) Прибалтика находится в составе Запада; 2) Белоруссия, Казахстан и Россия формируют интеграционное пространство; 3) Азербайджан движется в сторону Турции, Грузия – в сторону НАТО. Иными словами, происходит расслоение, а зачастую и «растаскивание» постсоветского пространства.

На первых этапах развития пространства относительная стабильность при относительном подъеме была воз-

можна там, где после анархии советского развала возникали сильные лидеры с советской партийной закалкой, либо там, где происходил полный отказ от прошлого и переход в новую подсистему. Сегодня же и то и другое все больше трансформируется в стадию архаизации, однако пока что – чаще всего – не имеет исторических альтернатив.

Если же рассматривать постсоветское как политический феномен, то и он уходит в прошлое. Так, постсоветская элита уже сменилась на Украине, в Прибалтике, Грузии и Армении. В наиболее сложной ситуации окажутся те государства, которые замедляют смену власти по разным причинам, не понимая или не желая понимать, что механизмы сменяемости нуждаются в постоянной работе, в противном случае в момент реальных изменений они могут не сработать и быть сломанными, особенно при наличии «доброй» воли внешних игроков.

Интересно и самоощущение малых и средних государств постсоветского пространства, которые нередко отрицают свое прошлое, но действуют так, будто являются частью великой державы. Иными словами, великодержавность для них остается частью политического мышления, что иногда приводит к излишней агрессивности или жесткости, но не поддерживается ресурсами. При этом ощущение принадлежности к великому уходит по мере смены поколений и заменяется собственными малым государствам сконцентрированностью на себе и регионе, чувством осажденной крепости. Наиболее чреватыми кризисами можно считать ситуации совмещения двух типов политического мышления в одной управляющей среде того или иного государства.

При смене поколений и выходе из постсоветского транзита будет возникать естественная тяга к тому, чего не

вернуть. Агрессия к советскому постепенно может смениться ностальгией, что уже проявляется в появлении большого количества «советских» ресторанов в Прибалтике. Невозможность многих государств развиваться без кооперации будет толкать их к сильному соседу, что приведет к росту популярности всего русского и должно быть конвертировано в прибыль с точки зрения российских интересов.

Есть перспектива и у развития арханизации, особенно в государствах, граничащих с зонами и дугами нестабильности. Так, для Средней Азии риском является переброска дестабилизации из Афганистана и Пакистана, что особенно опасно на фоне значительного социального расслоения и роста религиозного сознания.

К слову, именно религиозное сознание и различные формы этнического национализма оказываются доминирующими социально-политическими «скрепами» в государствах постсоветского пространства. Во многом это связано с вакуумом идей [Цибенко, 2014, с. 104], во многом – с эгоцентризмом новой политической истории и правящих классов.

Очевидно, что такого рода «скрепы» имеют тенденцию к столкновению с соседними идеологемами и к конфронтации с региональной подсистемой международных отношений. Но они же и могут служить объединительным элементом, чем активно пользуются другие игроки – например, Турция.

Ощущение уязвимости, которое нарастает по мере отдаления от времен развала СССР, приводит к росту агрессивности продвижения себя – и нацелено это на самом деле не на выход во вне, а на поиск путей самосохранения. Рано или поздно, несмотря на все попытки поиска собственной идентичности в сложившейся мировой политической среде, происходящее приведет го-

сударства постсоветского пространства к естественному включению во что-то «великое». Это могут быть сложившиеся подсистемы международных отношений (например, ЕС) или искусственно формируемые («тюркский мир»); могут быть и слияния с сильными ядровыми государствами (Россия, Турция, Польша и пр.).

Маловероятно, что для своего сохранения и приумножения элитам постсоветского пространства поможет разрыв с традицией и вычеркивание советского периода истории. Создание собственной истории и мифологизация чреватые не только конфликтностью «историй», но и разочарованиями и ростом пассионарности, что на фоне исторического надлома может приводить к катастрофическим последствиям.

Усиливающийся разрыв междуходящимися по разные стороны от России государствами постсоветского пространства снижает возможности интеграции между ними даже на теоретическом уровне. Единственным же объединяющим фактором может становиться Российская Федерация, причем это может быть как в позитивном, так и в негативном смысле слова. По первому сценарию идут процессы в рамках ЕАЭС, по второму – когда-то создавался ГУАМ. В любом случае Россия остается государством-предопределением [Аватков, 2019, с. 103] для постсоветского пространства.

Постсоветские элиты скопировали западные институты, но наполнили их собственным смысловым содержанием, а в контакте с внешним миром используют разные рычаги – Западу говорят о транзите от «советской империи», Китаю – об экономике, Турции – о «тюркском братстве», а России – о Великой Отечественной войне. Все это делается с одной целью – расширить количество собственных возможностей и ресурсов.

Будущее постсоветского пространства находится в руках тех, кто предлагает модели развития и понимает, что нужно работать не только с правящими элитами, но и с различными группировками, кланами и социально-классовыми субъектами. При этом будущее ядро притяжения не обязательно будет относиться с уважением к народам бывшего СССР, и советский период истории в случае реализации такого сценария развития может показаться «золотым веком», когда на местах развивалось производство и местные элиты включались в элиту всего Союза. Ядро не обязательно будет брать на себя ответственность, оно может довольствоваться извлечением ресурсов в свою пользу.

Турция на постсоветском пространстве: главное

Распад Советского Союза в Турции был воспринят большей частью правящей элиты с энтузиазмом. Фактически это событие означало для Анкары новый внешнеполитический этап, который характеризовался активизацией ее усилий в Центральной Азии и Закавказье [Yarici, 2015, p. 427], которые ранее были в определенном смысле недоступны турецкой правящей элите ввиду сильных идеологических советских установок, впоследствии во многом утраченных в период так называемого парада суверенитетов.

После обретения рядом стран независимости в Турецкой Республике наступила эйфория, сопровождавшаяся стремлением к ускоренному объединению, прежде всего, с тюркскими государствами постсоветского пространства [Дружиловский, 2005, с. 58], которых из общего числа союзных республик насчитывалось целых пять. Все они на раннем этапе своего суверенного

существования нуждались в ориентире, роль которого на протяжении многих лет играла РСФСР, а после 1991 г. – преимущественно зарубежные государства, заинтересованные в формировании новых сфер влияния, и в первую очередь Турция. Более того, американцы, наряду с турецкими коллегами проявившие тогда интерес к странам бывшего СССР, но не имевшие собственных специалистов по новым государствам с преимущественно восточным типом мышления, исходили из того, что их союзнику в лице Турции будет проще разобраться в хитросплетениях местных элит. Однако на том этапе в США с наименьшей долей вероятности могли предположить, что со временем Турецкая Республика откажется от роли проводника интересов Вашингтона и постепенно станет более самостоятельным игроком, претендующим не только на региональное, но и на мировое лидерство.

Основой политики Турции в регионе бывшего Советского Союза стала интеграционная модель сотрудничества со свойственной ей турецкой спецификой, которая претерпевала процесс трансформации в разные периоды своего существования, напрямую зависящего от внешнеполитических реалий, а также внутривластных климата, господствовавшего на территориях постсоветских государств-партнеров. В связи с этим представляется целесообразным выделить три ключевых этапа взаимодействия Турции с постсоветским пространством:

- 1) 1991–2002 – «эпоха надежд»: активная работа по созданию интеграционных платформ для объединения усилий во всех сферах;
- 2) 2002–2014 – «эпоха поэтапности»: планомерная интеграция и воздействие на местную политическую элиту;

- 3) 2014 – н.в. – «эпоха туркоцентричной интеграции»: время, когда Анкара становится «хабом» (центром притяжения) и пытается заменить тюркское турецким, использовать ресурсы накопленного влияния.

При этом подходы к взаимодействию и механизмы сотрудничества Турции в постсоветском регионе различаются в зависимости от конкретной страны. Так, представляется целесообразным также классифицировать государства постсоветского пространства по степени активности влияния Анкары:

- 1) тюркские государства постсоветского пространства (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Азербайджан);
- 2) наиболее антироссийски настроенные страны – члены бывшей организации ГУАМ (Грузия и Украина);
- 3) тюркские народы, проживающие в многонациональных государствах (Россия и Молдавия);
- 4) все остальные государства постсоветского пространства.

В отношении России Турция пытается действовать наиболее аккуратно, зачастую свое влияние маскируя под работу тюркских народов бывшего СССР – например, азербайджанцев или казахов, а также представителей национальных диаспор. Вместе с тем в начале 2000-х годов тактика Турецкой Республики относительно России была несколько иной: объектом воздействия преимущественно являлись тюркоязычные субъекты государства, а основным средством оказания влияния – инструменты «мягкой силы», в частности, небезызвестная сеть «образовательных» школ «Хизмет» [Надеин-Раевский, 2016, с. 25], аффилированная с ту-

рецким имамом Ф. Гюленом и ликвидированная в ряде российских регионов в 2008 г. в результате постановления Верховного суда по обвинению в реализации экстремистской деятельности. На территории Молдавии в свою очередь турецкая политика экстраполируется на тюркское население расположенного на юге страны автономного территориального образования – Гагаузии.

Ключевым элементом взаимодействия Турции с Украиной и Грузией является интеграция, однако в отличие от тюркских регионов и ввиду отсутствия оснований для сотрудничества на базе этнического фактора, – в первую очередь экономическая. Так, например, еще в 1990-х годах грузинская Аджария, часть населения которой исповедует ислам суннитского толка, стала центром турецкого бизнеса и остается им вплоть до настоящего времени, что весьма неоднозначно воспринимается в Грузии. Отдельным направлением турецко-грузинского взаимодействия в последнее время также является реализация совместных энергетических и инфраструктурных проектов, но данный формат сотрудничества предполагает задействование в нем третьей стороны, в роли которой в большинстве случаев выступает Азербайджанская Республика. Среди наиболее важных совместных инициатив в этой сфере: железная дорога Баку – Тбилиси – Карс, Трансанатолийский трубопровод (TANAP), газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум, а также нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

История двусторонних отношений Анкары и Киева в значительной степени отличается от турецко-грузинской модели, однако при этом все же имеет схожие черты. Существенное усиление турецкого влияния на Украине наблюдается в основном с 2013 г. – времени, когда официальный Киев сменил относительно лояльный России вектор свое-

го внешнеполитического развития на – хорошо знакомый Турции – прозападный, подразумевающий в том числе курс на евроинтеграцию. В 2014 г. не менее важным фактором, придавшим двум странам дополнительный импульс к сотрудничеству, стало присоединение Крымского полуострова к России, что единогласно было названо как в Киеве, так и в Анкаре «незаконной аннексией», а тематика «нарушения прав крымско-татарского народа» стала систематически использоваться для провокационных заявлений в адрес Москвы и впоследствии приобрела статус неотъемлемой части двусторонней турецко-украинской повестки.

Кроме того, крымский кейс заложил фундамент для «взаимоукрепления» Турции и Украины в стратегически важном для обеих стран Черноморском регионе. Несмотря на то что, как и в случае с Грузией, основной акцент в такого рода сотрудничестве был сделан на экономику, турецко-украинская модель кооперации отличалась тем, что со временем приобрела оттенок военного сотрудничества [Ирхин, Москаленко, 2021, с. 103], который по мере развития двустороннего диалога становится все более отчетливым.

Так, помимо значимых инвестиций Анкара и Киев установили контакты в сфере купли-продажи военной техники, где Украина при этом получила – беспрецедентную по своей сути – второстепенную роль рынка сбыта товаров турецкого производства. Современная Украина является одним из основных покупателей турецких беспилотных летательных аппаратов *Bayraktar TB-2*, кроме того, в конце 2020 г. стало известно о том, что стороны подписали соглашение о производстве корветов и ударных беспилотников для украинской ар-

мии¹, в том числе призванное усилить потенциал ВМС Украины.

Примечательно при этом, что оба государства – и Грузия, и Украина – в постсоветский период своего развития являлись членами недружественной России структуры ГУАМ, а теперь оказались вовлечены в не менее деструктивные с точки зрения интересов Москвы процессы под эгидой Турции.

Тем не менее основным направлением политической линии Турецкой Республики на постсоветском пространстве является реализация общетюркской интеграционной модели, которая осуществляется за счет создания сетевых протурецких структур, вовлечения в них заинтересованных сторон и формирования лояльных Анкаре лоббистских групп непосредственно на территориях стран-партнеров. Продвигая подобную туркоцентричную тюркскую интеграцию, Анкара предпринимает попытки реализовать ряд идей:

- во-первых, подменить тюркское турецким: именно Турция, по мнению ее руководства, является центром «тюркского мира», а, следовательно, все акторы международных отношений, особенно принадлежащие к тюркскому этносу, должны следовать ее логикам, в частности, признать главенство турецкого над тюркским. Важно, что при этом властной элитой не учитывается тот факт, что в действительности турки исторически являются ассимилированными тюрками, и чем дальше от Республики, тем больше сохранилось тюркских традиций и обычаев, в том числе и благодаря совместному пути России и тюркских народов;
- во-вторых, привести к власти лояльные себе элиты через работу с

1 Турция будет производить для армии Украины корветы и ударные беспилотники (2020) // ТАСС. 14 декабря 2020 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10254791>, дата обращения 20.07.2021.

молодежь в сферах образования, науки и бизнеса. Наиболее наглядным примером успеха такой работы является деятельность Турции в «братском» Азербайджане;

- в-третьих, повлияв на власть, вынудить ее финансировать свои проекты и концентрировать движение ресурсов на себе в рамках идеологии «хаба».

В целом современная Турция выстраивает свою внешнюю политику в рамках идеологии «мир больше пяти» членов Совета Безопасности ООН, где Анкара представляет себя в качестве мировой державы, которая ведет борьбу за права всех угнетенных народов и мир во всем мире. Турецкая Республика продвигает себя на международную арену как «хаб» или своеобразный центр притяжения, способный объединить потоки по векторам Север – Юг, Запад – Восток. При этом ключевыми идеологемами внешнеполитического курса Анкары можно назвать неоосманизм, то есть доминирование на постосманском пространстве, исламизм по-турецки, предполагающий, что Турция – лидер в исламском мире, и неопантюркизм, подразумевающий объединение тюркских народов мира под эгидой Турецкой Республики, в процессе чего происходит размытие культурных кодов отдельных государств, являющихся объектами такой политики.

Сложность современного положения Турецкой Республики в системе международных отношений заключается в следующем. Во-первых, Анкара позиционирует себя мировой державой, но не обладает достаточным количеством ресурсов, по причине чего и нуждается именно в идеологии «хаба», основное положение которой заключается в том числе в активном использовании ресурсов других. Во-вторых, Тур-

ция вынуждена маневрировать между различными антагонистическими системными «дугами», а именно – между Россией и США, пытаясь продемонстрировать Западу, что подрывает влияние Москвы на постсоветском пространстве, а Москве – что приобретает больше независимых черт и стремится к полной самостоятельности на внешнеполитической арене.

На фоне такого маневрирования Анкара пытается реализовать стратегию расширения собственного влияния, что наиболее успешно удастся в отношениях с Азербайджаном, выстроенных по принципу «одна нация – два государства». Ярче всего это было видно на примере обострения конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 2020–2021 гг., по итогам которого стороны подписали Шушинскую декларацию о союзе Турции и Азербайджана, а турецкой стороной также было заявлено о возможном создании военной базы на азербайджанской территории.

Принимая во внимание тот факт, что Анкара и Баку уже в достаточной степени тесным образом взаимодействуют в военной области (проводят совместные военные учения, заключают контракты о поставках в Азербайджан турецкой наступательной и оборонительной техники), нельзя исключить, что в среднесрочной перспективе такого рода сотрудничество перерастет в полноформатный военный альянс, который сформирует на пространстве бывшего СССР угрожающий в первую очередь национальной безопасности России тюркский филиал НАТО, де-юре подконтрольный Турции, но де-факто управляемый западными модераторами.

В том числе по этой причине идеологема неопантюркизма по-прежнему остается ключевой на постсоветском направлении внешней политики Турции. Особое внимание в рамках

ее реализации Турция уделяет и формированию подконтрольного будущего, инвестируя в «гуманитарную плоскость», а именно в культуру, образование и религию – причем как через государственные, так и частные структуры. Так, на пространстве центральноазиатских тюркских республик действует целый ряд программ, организаций, институтов и других инициатив Турции – фонды им. Ю. Эмре², стипендии и обменные программы им. Мевляны, международные организации, такие, как *TÜRKSOY* и *TİKA*, Тюркская академия наук и другие. В жизни мусульман постсоветского пространства все большую роль начинает играть Управление по делам религий Турции («Диянет»), которое проводит обучение духовенства, развивает мусульманские проекты и занимается восстановлением культовых сооружений [Соловьев, Чуфрин, 2020, с. 187]. Так, например после победы азербайджанской армии в ходе военных действий в Нагорном Карабахе осенью 2020 г., которую Турция считает и своей собственной, глава «Диянета» в одном из заявлений выразил желание оказать Баку содействие в воссоздании и ремонте мечетей, «жестоко разрушенных армянами»³.

Следует отметить, что Турция проводит активную политику по формированию туркоцентричных интеграционных платформ, которые, как уже отмечалось, охватывают частные, государственные и межгосударственные структуры и по сфере своей деятельности подразделяются на:

- *культурно-образовательные*: Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (*TİKA*), Международная

организация тюркской культуры (*TÜRKSOY*), фонды им. Юнуса Эмре, школы Ф. Гюлена и пр.;

- *политико-экономические*: Союз муниципалитетов тюркского мира (*Türk Dünyası Belediyeler Birliği, TDBB*), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (*Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi, TÜRKPA*), Совет сотрудничества тюркских государств (*Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konsyi*), Фонд сотрудничества, братства и дружбы тюркских государств и сообществ (*Türk Devlet ve Toplulukları Dostluk, Kardeşlik ve İşbirliği Vakfı, TÜDEV*).

Многие из вышеперечисленных структур появились практически сразу после распада Советского Союза с целью заполнить собой образовавшийся на его обломках вакуум, в том числе и в идейном смысле. Тем не менее некоторые из организаций появились гораздо позже, что, однако, не повлияло на качество и результат проделываемой ими работы. Так, например, Тюркский совет – в настоящее время один из ключевых туркоцентричных проектов Турецкой Республики на постсоветском пространстве – был создан в 2009 г. и представляет международную организацию для поддержания мира и безопасности в регионе.

Азербайджан, Казахстан, Киргизия и «системообразующая» Турция являются государствами – участниками Совета, а в октябре 2019 г. к числу полноправных членов организации присоединился и Узбекистан. При этом одним из успехов турецкой модели интеграции является тот факт, что Турции

2 Институт им. Юнуса Эмре // <https://moskova.yee.org.tr/ru/content/institut-im-yunusa-emre>, дата обращения 21.07.2021.

3 Türkiye Diyanet Vakfının gönderdiği 6 tır insani yardım Azerbaycan'a ulaştı (2020) // Türkiye Diyanet Vakfı, December 11, 2020 // <https://tdv.org.tr-TR/turkiye-diyamet-vakfinin-gonderdigi-6-tir-insani-yardim-azerbaycana-ulasti/>, дата обращения 04.07.2021 (на турецком).

удается вовлекать в возглавляемые ею проекты даже наиболее обособленные от внешнего мира государства. К примеру, последнее время активно обсуждается включение в организацию Туркменистана – в достаточной степени отстраненной от любых форм интеграции и внешнеполитических контактов страны.

За год до создания Тюркского совета в 2008 г. в Стамбуле между Азербайджаном, Турцией, Казахстаном и Киргизией было подписано соглашение о создании не менее важной структуры – Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (*TÜRKPA*). Ее целью является формирование механизма межпарламентских отношений между тюркскими странами, пропаганда «тюркской культуры», а также расширение экономических связей и реализация совместных проектов.

Значимым элементом влияния Турции также является Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию. Это государственная структура, которая осуществляет свою деятельность с 1992 г. и реализует проекты в сфере образования, здравоохранения, туризма, а также отвечает за организацию Турцией помощи развивающимся странам с акцентом на тюркские страны и сообщества.

В сфере культуры турецкие проекты продвигает ТЮРКСОЙ – Организация по культуре и искусству тюркоязычных стран. ТЮРКСОЙ была создана в 1993 г. по инициативе Турции. В нее входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан и Турция. Важным является тот факт, что на протяжении долгого времени в качестве наблюдателей сотрудничали с организацией и субъекты Российской Федерации – Алтай, Башкортостан,

Хакасия, Саха (Якутия), Тыва, а также Татарстан. Однако после кризиса 2015 г. в отношениях между Москвой и Анкарой контакты были существенно сокращены, а с некоторыми субъектами, в частности с Республикой Татарстан, перешли преимущественно в плоскость двустороннего взаимодействия без опоры на вспомогательные интеграционные механизмы.

В 2010 г. в Казахстане во Дворце Мира и Согласия открылась Тюркская академия наук. В открытии академии участвовали президент Республики Казахстан Н. Назарбаев и президент Турции А. Гюль, а также ученые Казахстана, Турции, США, Узбекистана, Киргизии и Украины. В 2014 г. Тюркская академия наук получила международный статус, и, как следствие, был создан одноименный международный научный центр Международная тюркская академия наук, цель которого – «координирование и содействие научным исследованиям об истории тюрков, начиная с древних веков и до современности, исследование общего “тюркского мира” на основе открытия источников и выявления роли и места тюркских государств в мире»⁴. В ее состав входят Центр тюркской истории и культуры, Центр изучения тюркского языка, Тюркская библиотека и Тюркский музей.

Центры и фонды им. Ю. Эмре начали формироваться в 2007 г. по инициативе президента Турецкой Республики А. Гюля. Сегодня эти структуры тесно сотрудничают с Министерством культуры и туризма Турции, а также с Турецким агентством сотрудничества и развития (*TİKA*) и Международной организацией тюркской культуры *TÜRKSOY*. В культурных центрах проводятся различные мероприятия, которые формируют позитивный имидж

4 Об Академии // TWESCO // <http://twesco.org/ru/академия-туралы/>, дата обращения 21.07.2021.

Турции за рубежом⁵. Подобные центры действуют по всему постсоветскому пространству, включая Российскую Федерацию, – в Москве.

Отдельного внимания заслуживает экономическая политика Турции, в случае с государствами постсоветского пространства в большей степени основанная на продвижении турецких товаров и услуг. Следует отметить традиционно активное участие Турции в лице ее подрядных компаний в строительном секторе, а также поставки в регион продовольствия. Кроме того, особого внимания заслуживает и расширение поставок продукции турецкого оборонно-промышленного комплекса, совершившего ряд прорывов, в том числе в области беспилотных летательных аппаратов, которые пользуются особой популярностью в Азербайджане и с недавнего времени – на Украине.

Среди тюркских стран СНГ наибольший объем экспорта продукции из Турции приходится на Азербайджан (36,05%), второе место среди тюркских стран постсоветского пространства закрепил за собой Туркменистан (25,58%), третье и четвертое места с примерно равным совокупным объемом занимают Казахстан (15,84%) и Узбекистан (15,15%) [Turkey Exports by Country and Region].

Что касается основных статей турецкого экспорта, то Турция экспортирует в Азербайджан железо, сталь, строительные материалы, электротовары, автомобили и военную технику. В Казахстане турецкие предприниматели работают в таких областях, как пищевая, лекарственно-химическая промышленность, строительство, гостиничный менеджмент и производство [Relations between Turkey and Kazakh-

stan]. В Киргизии турецкие компании в основном задействованы в сфере строительства, телекоммуникаций, а также текстильной промышленности [Вартазарова, Кобринская, Уткин, 2019, с. 39]. Турецкие компании в Туркменистане в свою очередь наиболее активно работают в области строительства, текстильной промышленности и туристическом секторе [Relations between Turkey and Turkmenistan].

Отдельного внимания заслуживает и факт продвижения Турции в языковой политике. В конце XX в. не удалось создать единый турецкий язык для тюркских народов во многом потому, что последние использовали кириллицу. На сегодняшний день ситуация изменилась с переходом Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана, а теперь и Казахстана на латиницу. Все это с наибольшей долей вероятности позволит в скором времени возобновить дискуссии о едином языковом пространстве, особенно с учетом активного создания совместных СМИ, продвигающих идеологию туркоцентричного «тюркского мира». При этом важно, что подобные проекты перестали инициироваться исключительно Турцией, которая при этом остается наиболее заинтересованной в их реализации стороной.

К примеру, в конце мая 2021 г. стало известно о запуске интернет-телевидения «тюркского мира» *MEDIA-TURK TV*, учредителями которого являются депутат Национального собрания Азербайджана и несколько азербайджанских журналистов. По словам создателей проекта, зона его вещания охватит Азербайджан, Турцию, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизию и – что более важно – «всю территорию компактного проживания тюр-

5 Институт им. Юнуса Эмре // <https://moskova.yee.org.tr/ru/content/institut-im-yunusa-emre>, дата обращения 21.07.2021.

рок⁶». О том, что именно подразумевается под такого рода обширным определением, как и о смысловом наполнении новоиспеченного СМИ в целом, разработчики не сообщают, однако, учитывая имеющиеся на постсоветском пространстве тенденции, можно предположить, что *MEDIATURK TV* станет очередным рупором турецких идеологов и интересов за рубежом, а в орбиту его влияния будут вовлекаться и тюркоязычные народы России, рассматриваемые не только Турцией, но и дружественным Азербайджаном как неотъемлемая часть новой подсистемы международных отношений – масштабного интеграционного проекта под емким названием «тюркский мир».

***

Таким образом, постсоветское пространство находится на перепутье между исключительно историческим территориальным явлением и региональной подсистемой. С учетом описанных тенденций развития государств бывшего СССР наиболее вероятным сценарием можно считать дальнейшую фрагментацию подсистемных элементов при активном воздействии на них внешних акторов, в частности – Турции, которая добилась существенных успехов за 30 лет и имеет большие перспективы влияния на будущую элиту указанных стран. Для предотвращения подобных процессов Российской Федерации, в том числе и как государству со значимой долей тюркоязычного населения, необходимо в противовес Анкаре формировать контртенденции и задавать собственные тренды в целях дальнейшего возвращения утерянных в начале 1990-х годов позиций в тюркских государствах постсоветского пространства.

Список литературы

Аватков В.А. (2019). Государство-предопределение: государство мира или войны? // Право и политика. № 5. С. 103–110. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.29601

Аватков В.А., Иванова Н.А. (2012). Коммуникативная интеграция в СНГ // Международные процессы. Т. 10. № 29. С. 165–168 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18060818_15760629.pdf, дата обращения 15.07.2021.

Вартазарова Л.С., Кобринская И.Я., Уткин С.В. (ред.) (2019). Современная Турция: тренды развития и значение для России. М.: ИМЭМО РАН.

Дружиловский С.Б. (2005). Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. № 6. С. 48–61 // <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-privychka-upravlyat/>, дата обращения 15.07.2021.

Ирхин А.А., Москаленко О.А. (2021). «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 21. № 1. С. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Надеин-Раевский В.А. (2016). Идеологическая борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО-Университета. № 2(47). С. 22–31. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31

Притчин С. А. (2021). Узбекистан и Казахстан: особенности транзита власти // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65. № 2. С. 89–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-89-99

Соловьев Э.Г., Чуфрин Г.И. (ред.) (2020). Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды

6 Начало работу совместное интернет-телевидение тюркского мира (2021) // Союз журналистов России. 29 мая 2021 // <https://ruj.ru/news/monitoring-media/nachalo-rabotu-sovmestnoe-internet-televidenie-tyurkskogo-mira-15322>, дата обращения 15.07.2021.

и старые проблемы. Коллективная монография. М.: ИМЭМО РАН.

Цибенко В.В. (2014). Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси Нурджулар // Сектоведение. № 4. С. 102–111 // <http://unrel.org/files/2019/09/102-111-%D0%A6%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf>, дата обращения 15.07.2021.

Park B. (2020). Turkey's New (De)Security Policy: Axis Shift, Gaullism, or Learning Process? // Providing for National Security (eds. Dorman A.M., Kaufman J.P.), Redwood City: Stanford University Press, pp. 254–270.

Relations between Turkey and Kazakhstan // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-kazakhstan.en.mfa>, дата обращения 15.07.2021.

Relations between Turkey and Turkmenistan // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa>, дата обращения 15.07.2021.

Turkey Exports by Country and Region // World Integrated Trade Solution // <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2018/TradeFlow/Export>, дата обращения 21.07.2021.

Yapıcı U. (2015). Türkiye'nin Güney Kafkasya Politikası (1989–1993): Batı'nın Belirleyiciliği // Alternatif Politika, no 3, pp. 425–456 // <https://www.alternatifpolitika.com/makale/turkiye-nin-guney-kafkasya-politikasi-1989-1993-bati-nin-belirleyiciligi>, дата обращения 15.07.2021 (на турецком).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years

Vladimir A. AVATKOV

PhD in Politics, Senior Researcher, Center for Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow,
Russian Federation

Associate Professor, Department of International Relations

Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Ostojenka St., 53-2-1, Moscow,
Russian Federation

E-mail: v.avatkov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6345-3782

CITATION: Avatkov V.A. (2021). The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 162–176 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

Received: 01.08.2021.

ABSTRACT. *The article scrutinizes the main results of the 30-year independent existence of the former Soviet republics under the conditions of modern political realities and the formation of a polycentric system of international relations, where regional states such as Turkey begin to exert an increasing influence on the ongoing processes. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that since the collapse of the Soviet Union, two trends have developed in the post-Soviet space: integration and disintegration. The main task of the Republic of Turkey in the post-Soviet region is to set the pro-Turkish model of integration of key Turkic states and to create the so-called “Turkic world” – a new subsystem of international relations under its auspices. In order to implement these plans, Ankara pursues three main goals in the post-Soviet space: to replace the “Turkic” with the “Turkish”; secondly, to bring loyal elites to power in the partner countries; and to concentrate the movement of resources within the framework of the “hub” ideology.*

Meanwhile, during its interaction with the former USSR countries Turkey has passed or is still passing through several stages: the “era of hope”, the “step-by-step era” and the “era of Turkish-centric integration”, which continues up to the present time and is expressed in exerting a significant influence on the Turkic actors.

KEYWORDS: *Russia, Turkey, Republic of Turkey, USSR, CIS, post-Soviet space, Central Asia, “Turkic world”, “soft power”, integration.*

References

Avatkov V.A. (2019). State-predestination: A State of Peace or War? *Law and Politics*, no 5, pp. 103–110 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.29601

Avatkov V.A., Ivanova N.A. (2012). Communicative Integration in the CIS. *International Trends*, vol. 10, no 29, pp. 165–168. Available at: <https://www.elibrary.ru/>

download/elibrary_18060818_15760629.pdf, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Cibenko V.V. (2014). The Main Features of the Leaders of the Followers of Said Nursi Nurjular. *Sectology*, no 4, pp. 102–111. Available at: <http://unrel.org/files/2019/09/102-111-%D0%A6%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Druzilovskij S.B. (2005). Turkey: The Habit of Managing. *Russia in Global Affairs*, no 6, pp. 48–61. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-privychka-upravlyat/>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021). “The World is More than Five”. The Formation of Turkey as a Global Actor of World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. Series: International Relation*, vol. 21, no 1, pp. 91–107 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Nadein-Raevskij V.A. (2016). Ideological Struggle and the “New Turkey”. *MGIMO Review of International Relations*, no 2(47), pp. 22–31 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31

Park B. (2020). Turkey’s New (De)Security Policy: Axis Shift, Gaullism, or Learning Process? *Providing for National Security* (eds. Dorman A.M., Kaufman J.P.), Redwood City: Stanford University Press, pp. 254–270.

Pritchins S. (2021). Uzbekistan and Kazakhstan: Features of the Transit of

Power. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 65, no 2, pp. 89–99 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-89-99

Relations between Turkey and Kazakhstan. *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs*. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-kazakhstan.en.mfa>, accessed 15.07.2021.

Relations between Turkey and Turkmenistan. *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs*. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa>, accessed 15.07.2021.

Solov'ev E.G., Chufrin G.I. (eds.) (2020). *Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems*, Moscow: IMEMO RAS (in Russian).

Turkey Exports by Country and Region. *World Integrated Trade Solution*. Available at: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2018/TradeFlow/Export>, accessed 21.07.2021.

Vartazarova L.S., Kobrinskaya I.Ya., Utkin S.V. (eds.) (2019). *Modern Turkey: Development Trends and Significance for Russia*, Moscow: IMEMO RAS (in Russian).

Yapıcı U. (2015). Türkiye’nin Güney Kafkasya Politikası (1989–1993): Batı’nın Belirleyiciliği. *Alternatif Politika*, no 3, pp. 425–456. Available at: <https://www.alternatifpolitika.com/makale/turkiye-nin-guney-kafkasya-politikasi-1989-1993-bati-nin-belirleyiciligi>, accessed 15.07.2021 (in Turkish).